

С. Э. Чернов

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

ЭНКОЛПИОН ИЗ ВЛАСЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В ВОЛОКОЛАМСКЕ И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Анализируя данные археологических раскопок в церкви Петра и Павла в г. Волоколамске в 2017 г., автор выделяет группу находок (стеклянный браслет, цилиндрический замок типа В, серая керамика с орнаментом «косая волна» раннего вида), которые имеют системные аналогии с комплексом находок из сруба 6 Великого посада Москвы конца XIII — первой половины XIV в., изученного во время раскопок на Красной площади в 1988 г. Это позволяет определить время отложения лицевой створки бронзового креста-энколпиона, который принадлежит к группе энколпионов с изображением Распятия на лицевой стороне и Богоматери Агиосоритиссы (заступницы) на оборотной стороне (тип П.4.3 по Г. Ф. Корзухиной — А. А. Песковой). На основании анализа полученных в ходе раскопок материалов высказано предположение о возникновении монастыря в последней четверти XIII — начале XIV в.

Ключевые слова: Волоколамск, Власьевский монастырь, Иосиф Волоцкий, инока Мария мать Иосифа Волоцкого, церковь Петра и Павла в Волоколамске, энколпион, перстни стеклянные, цилиндрические замки, керамика серая, керамика красноглиняная грубая, Торопец, Друцк, предметы личного благочестия, иконография Богородицы Агиосоритиссы

Власьевский женский монастырь, некогда располагавшийся на посаде Волока Ламского, известен тем, что с 1460 по 1490 г. его инокиней была мать преподобного Иосифа Волоцкого Мария (в миру Марина). В Крестовоздвиженском мужском монастыре, который находился рядом, семи лет от роду, то есть около 1446 г., в обучение старцу Арсению Леженке был отдан сам Иван Санин, который позднее принял постриг под именем Иосифа. Таким образом, род Саниных, владевший землями в Сестринском стане, был связан с этими монастырями (Рис. 1).

Как известно, дед Иосифа Волоцкого (13.11.1439—09.09.1515) Саня переселился на Волок из земель, входивших тогда в Великое княжество Литовское. Возможно, он пришел на службу к великому князю Василию I в 1408 г. вместе с двором Свидригайлы и остался на Волоке, как и сын Патрикия Наримантовича Федор, потомки которого, Хованские, имели здесь крупные владения в XV—XVI в. [Чернов, 1998, с. 193—194, 283—286]. Санины знали, что город, с которым их связала судьба, создан около пятисот лет назад новгородцами. Племянник Иосифа Волоцкого Досифей Топорков внес в Волоколамский патерик уникальные свидетельства о возникновении Крестовоздвиженского и Ильинского монастырей при Ярославе Мудром¹. Что касается Власьевского монастыря, то, судя по всему, сведений о прошлом этой обители Досифей Топорков собрать не смог.

В 2017 г. в рамках реставрации церкви Петра и Павла (1693—1696 г.) в г. Волоколамске, ведущейся по инициативе протоиерея Дмитрия Смирнова, Московской областной экспедицией Отдела археологии Московской Руси Института археологии РАН были проведены раскопки, включившие раскоп в апсиде храма (10 кв. м) и 4 архитектурно-археологических шурфа (Рис. 2, 3).

В ходе этих исследований был найден энколпион — находка, которая, при внимательном рассмотрении ее археологического контекста, может пролить свет на ранний этап жизни монастыря.

После выхода работ А. Е. Мусина интерес к предметам личного благочестия значительно вырос. Исследователи ищут новые возможности увидеть в них не только одну из категорий археологических коллекций, но и исторический источник особого рода, который доносит до

¹ Анализ этого рассказа см.: [Чернов, 2018].

нас свидетельства о связи человека Средневековья с миром горним. Эти возможности зависят от прочтения семантики изображений, содержащихся на предметах личного благочестия, и от знания обстоятельств бытования этих предметов. В этюде, предлагаемом вниманию читателя, я хотел бы продемонстрировать возможности археологических методов в реконструкции таких обстоятельств.

Власьевский монастырь как археологический памятник

Предваряя изложение археологических данных, следует отметить, что после разорения монастыря в Смутное время его территория представляла собой пустовую церковную землю. В книге Патриаршего казенного приказа 146 (1638) г. сообщалось: «Съ церковные земли Власьевскаго монастыря съ огородца на посадскихъ людехъ на Гаврилкѣ Герасимовѣ съ товарищи оброку двѣ гривны и Іюня въ 14 день те деньги платилъ староста поп Никита»². Как свидетельствует приходная книга того же приказа «в 203 г., декабря 10», то есть 10 декабря 1694 г., «по челобитью Волоколамскаго Іосифова монастыря... построена на сей земль надъ гробомъ матери преподобнаго отца Іосифа схимонахини Маріи церковь каменная во имя св. апостоль Петра и Павла, и съ сей земли оброчныя деньги велѣно сложить...»³.

Ныне церковь Петра и Павла находится на юго-восточном краю города, на возвышенном левом берегу речки Весовки, притока реки Городни (правый приток реки Ламы), напротив Возмищского монастыря. Границы монастыря, возобновленного в конце XVII в., были установлены с помощью наложения на современную геоподоснову плана Волоколамска 1766 г., составленного до перепланировки города (Рис. 2). Согласно ведомости 1734 г., во Власьевском монастыре тогда находились «церковь каменная... колокольня и Святые ворота каменные, ограда и кельи деревянные»⁴. В монастыре проживало 5 монахинь с наместницей.

Раскоп, заложенный в апсиде храма 1694 г., открыл на глубине 1 м поверхность монастырского некрополя (Рис. 4). Было обнаружено 5 белокаменных плиточных надгробий, 4 из которых несли орнамент в виде мелкого «волчьего зуба» первой половины — середины XVI в., плиточное надгробие из ракушечника, валун-голгофа, серебряная деньга-сабельница и копейка Ивана IV, чеканенные в 1535–1547 г.

Глубокое залегание некрополя связано с тем, что полы храма 1694 г. были устроены на метровой подсыпке (Рис. 5, 1–5). В качестве подсыпки строители использовали культурный слой, извлеченный из фундаментных рвов. Слой этот отражает период жизни монастыря, когда на месте некрополя еще располагались кельи. Большая часть материала датируется XV в. Это керамика, близкая закрытым комплексам Михайловское 2 (1400–1425 г.), Дунино-6 (1425–1460 г.) и Исторического проезда Москвы (постройки, погибшие в пожар 1493 г.), а также 17 медных тверских и московских пул, большая часть которых чеканена после 1485 г.

Выделение материалов последней четверти XIII – XIV в.

Изучая коллекцию находок и керамики, происходящей из подсыпки, удалось выделить материалы более раннего времени. Как и материалы XV в., они отражают жизнь поселения. Никаких признаков раннего могильника найдено не было. Среди индивидуальных находок (200) внимание привлек цилиндрический замок типа В, которые бытовали со второй половины XII по начало XV в. (Рис. 6, А, 23) [Колчин, с. 82, 87; рис. 70]⁵. Затем была обнаружена находка —

² Холмогоровы В и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII вт. М., 1996. Вып. 9. Волоколамская и Серпуховская десятины. С. 8.

³ Там же.

⁴ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. Д. 14. Л. 4 об.

⁵ Подобный замок был найден в основанном Сергием Радонежским Шавыкином монастыре, в сооружении 1380–1390-х годов [Чернов, 1995, с. 139; рис. 6, № 92, 93].

хронологический индикатор — перстень, изготовленный из сине-фиолетового стекла (Рис. 6, А, 53). Подобные перстни являлись предметом импорта и маркируют отложения посадов городов среднерусских княжеств первой половины XIV в. Аналогичный перстень (состав стекла Na-Ca-Si) был обнаружен на Великом посаде Москвы, в срубе 6, открытом в ходе раскопок Института археологии на Историческом проезде в 1988 г. (Рис. 6, Б, 428) [Чернов, Бойцов, с. 227; рис. 12, № 428]⁶. Сруб 6 сохранился на два венца, а заполнение его представляло закрытый комплекс (Рис. 6, Б). Сочетание зеленого стеклянного браслета, 5 голубых и одного сине-фиолетового стеклянных перстней при процентном соотношении курганной / серой / красноглиняной грубой керамики 4 / 86 / 10 % датирует этот комплекс концом XIII — первой половиной XIV в. [Чернов, 1991, с. 26–28]. Наиболее вероятная дата — первая четверть XIV в. Еще три подобные перстня были найдены в ходе раскопок в Тайнинском саду Московского Кремля, причем один из них — в сооружении 65, которое по керамике и дендрохронологическим наблюдениям датируется первой половиной XIV в. [Панова, Коваль, с. 26]⁷. Исследователь стекла ранней Москвы связывает данные перстни с традициями стеклоделия Византии и Сирии, но склоняется к мысли, что наиболее вероятным их поставщиком в первой половине XIV в. могла быть Венеция [Столярова, с. 223–224].

Изучение керамической коллекции (4000) позволило выделить в переотложенном слое подсыпки посуду, синхронную описанному перстню (около 100 фрагментов, или 2,5 %). Ею оказалась постдревнерусская (серая) керамика, которая унаследовала многие особенности древнерусской (курганной) посуды, но отличалась от нее заглаженной поверхностью и упрощенной профилировкой венчика. В технологическом отношении серая керамика Власьевского монастыря довольно однородна. Она выполнена из красножгущейся глины с крупнозернистым песком (кварциты 1 мм) и небольшим количеством дресвы (кварциты 2 мм встречаются редко) и прошла полный окислительный обжиг (в изломе черепок однослойный).

В настоящее время опубликовано 17 единовременно отложившихся комплексов посуды, которые отражают пять этапов бытования керамики Москвы и Московского края с середины XIII по конец XIV в. Посмотрим, с какими из них власьевская керамика демонстрирует наибольшую близость, на примере горшков с различными формами венчиков.

Среди материалов, происходящих из культурного слоя Власьевского монастыря, наиболее ранней формой является венчик с полукруглым сильно отогнутым валиком (Рис. 7, 113). Эта редкая для серой керамики форма типична для более ранней курганной посуды, которая еще доминировала в городах во второй четверти XIII в. (нижний слой Богоявленского монастыря) [МК, табл. 21, 50]⁸. Серая керамика таких форм встречается в заполнении сруба 1 Исторического проезда второй половины XIII в. (порубочные даты 1249, 1251 г.) [МК, табл. 32, 582] и в комплексах первой половины XIV в. [МК, табл. 59, 3457]. Венчик с граненым валиком (Рис. 7, 320) также имеет аналогии как в срубе 1 [МК, табл. 31, 1001], так и в комплексе Лешково-2 (близ Радонежа) первой половины XIV в. [МК, табл. 66, 82].

Венчики Первого варианта серой керамики со слабо отогнутым и завернутым внутрь краем, представленные в культурном слое Власьевского монастыря серией (Рис. 7, 2, 112, 218, 458), бытовали продолжительное время. Они встречаются в нижнем слое Богоявленского монастыря [МК, табл. 25, 419, 597], в срубе 6 Исторического проезда первой половины XIV в. (Рис. 8, 2305, 2309) и в комплексе Дубинкин лес-1 третьей четверти XIV в. [Кренке, 2005, с. 306, рис. 33, 4]. Однако в данном случае сочетание признаков, фиксируемое во власьевской керамике, позволяет надежно связать ее с совершенно определенным этапом развития керамической

⁶ В каталоге раннемосковского стекла под № 815 [Столярова, рис. 7, 9; с. 634].

⁷ В каталоге раннемосковского стекла под № 819, 823 и 831 [Столярова, рис. 8, 1, 3, 6; с. 636, 637, 641].

⁸ Здесь и далее МК — Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

моды, фиксируемым в срубе 6 Исторического проезда. В последнем отыскиваются аналогии венчиков, украшенных ранней «косой волной» (Рис. 8, А, 216, 308) — орнаментом, который позднее станет отличительным признаком красноглиняной московской посуды XIV в. Важно подчеркнуть, что горшки Первого варианта есть как в первом, так и в шестом срубам (Рис. 8, Б, 2305, 2309) [МК, табл. 47], но только в последнем они украшены «косой волной» (Рис. 8, Б, 2362) [МК, табл. 406].

«Косой волной» декорированы и венчики Третьего варианта серой керамики с вертикальной постановкой и эллипсоидным расширением снаружи (Рис. 8, А, 122, 217). Эти формы вновь ведут нас к срубам 6 (Рис. 8, Б, 2234, 2236, 2357) [МК, табл. 46, Б] и синхронным ему ямам 3 Исторического проезда и 4 Монетного двора [МК, табл. 43, 2107, 2172, табл. 59, 3464]. Доживают они (Рис. 7, 20, 321; рис. 8, 114) до середины — третьей четверти XIV в. [Кренке, 2005, с. 39, рис. 35, 9; с. 306, рис. 33, 5].

Четвертый вариант серой керамики, который во Власьевском монастыре представлен большим горшком с двумя линиями волнистого орнамента на тулове (Рис. 8, 356, 401), являлся новацией второй половины XIII в. Подобные сосуды имели округлое тулово и простой, отогнутый под 45 градусов венчик с легкой припухлостью снаружи. Серии таких сосудов появляются в срубе 1 Исторического проезда [МК, табл. 33] и фиксируются в срубе 6 (Рис. 8, Б, 2233) [МК, табл. 49 А], а также в постройке из Лешково-2 [МК, табл. 66, 216] первой половины XIV в. Точная аналогия власьевскому горшку — с двумя полосами ранней «косой волны» — обнаруживается в комплексе Дубинкин лес-1 [Кренке, 2005, с. 310, рис. 36, 11; с. 312, рис. 88, 5].

Близость керамики из Власьевского монастыря с последним комплексом, который датируется третьей четвертью XIV в., не случайна. Среди материалов Власьевского монастыря имеется серия ранней красноглиняной грубой керамики с ребром по плечу (Рис. 7, Б), которая бытовала в тот же период. У некоторых венчиков подтреугольный валик внутри сосуда (характерный признак красной керамики) еще не вполне сформировался и напоминает завершение сосудов Первого варианта серой керамики (Рис. 7, 53, 64, 185, 186), у других — он уже сформирован (Рис. 7, 219, 303, 339). Подобное сочетание форм встречено в комплексах XIV в. от сруба 6 Исторического проезда (Рис. 8, 2378, 2333) и Дубинкинского леса-1 [Кренке, 2005, с. 308, рис. 34, 16, 17] до ранней трапезницы Шавыкина Дубенского монастыря 1380–1390-х годов [МК, табл. 68, 18; Чернов, 1995, с. 139–142] и не имеющего надежной хронологической привязки комплекса из Старого Ваганькова в Москве [МК, табл. 76, 181, 186, 189].

Обобщим приведенные данные. Власьевская керамика имеет связи с комплексами сруба 1 (порубочные даты 1249, 1251 г.) (3 аналогии), срубам 6 Исторического проезда (4 аналогии) и синхронными ему комплексами первой половины XIV в. (3 аналогии), а также с комплексом Дубинкин лес-1 третьей четверти XIV в. (3 аналогии). Учитывая, что наиболее устойчивые связи наблюдаются со срубом 6, в котором найден аналог стеклянного перстня, можно утверждать, что в первой половине XIV в. поселение несомненно существовало. Керамический материал не противоречит расширению этой датировки до 1275–1375 г.

Датировать материал более ранним временем не позволяет отсутствие курганный посуды. В городах вытеснение древнерусской (курганный) керамики более совершенной, серой, происходило в XIII в. быстрее, чем в сельской местности. На посаде Москвы, в срубе 1, который был сложен из бревен, срубленных в 1249 и 1251 г., курганная керамика еще сохранялась и составляла 6 % [Чернов, 1991, с. 23]. Не имея серии закрытых комплексов Волоколамска, мы не можем знать детали протекания данного процесса в этом городе. Тем не менее, учитывая отсутствие посуды курганного типа, датировать власьевскую керамику первой половиной XIII в.

у нас нет оснований. Что касается верхней даты, то, судя по высокому проценту красноглиняной грубой посуды, жизнь здесь не прерывалась в конце XIV — XV в. и продолжалась до 1490-х годов.

Итак, в последней четверти XIII — первой половине XIV в. на холме, на котором в XV в. располагался Власьевский монастырь, уже имелись жилые постройки. Поскольку сами сооружения и их планировка не изучены, на основании одного бытового материала мы не можем судить, располагались здесь посадские дворы или монастырские кельи.

Энколпион и его аналоги

Таков археологический контекст лицевой створки бронзового литого креста-энколпиона, которая была найдена в алтаре церкви Петра и Павла (пласт 4, кв. 2; —91 см; № 46) (Рис. 9, 10). Лицевая створка (6,4 x 4,7 см) несет изображение Христа на кресте с выделением широкой поперечной перекладины крестного древа и широкой верхней перекладины. Христос изображен «триумфирующим» — с прямым торсом, прямыми руками и ногами со стигматами и чуть склоненной головой. На верхней перекладине креста читается «IC XC»⁹. Швов и затеков металла не прослеживается, в профиле крест прямой, бортики и края «коробки» отлиты чисто, боковые стороны подправлены напильником (Рис. 11). Эти детали дают основания заключить, что створка отлита с использованием каменной формы.

По типологии Г. Ф. Корзухиной — А. А. Песковой крест принадлежит к группе энколпионов с высоким рельефом типа II.4.3 с изображением Распятия на лицевой и Богоматери Агисоритиссы (заступницы) на оборотной стороне. Богоматерь изображается без младенца, в повороте в три четверти с молитвенным жестом рук. Иконографически этот тип изображения восходит к деисусной композиции, где Богородица обращается к Христу с молением (деисис) за род человеческий.

Иконография Богоматери Агисоритиссы¹⁰ (заступницы) распространяется в искусстве Византии в годы правления императора Мануила I Комнина (1143—1180 г.)¹¹. Начало распространения этой иконографии на Руси отражает каменная иконка с изображением Богоматери Агисоритиссы, которая была найдена на Шепетовском городище (древнем Изяславле) в ходе раскопок М. К. Каргера и датирована рубежом XII—XIII в. [Пескова, с. 98]. А. Е. Мусин обратил внимание на один из крестов этого типа (ГРМ № ДР/М 4157), указав, что некоторые детали изображения (статичность, фронтальность фигуры, большие грубые кисти рук) сопоставимы с характерными чертами изображения Распятия на ранних древнерусских крестах (так называемые нательные кресты с грубым изображением Распятого Христа) [Мусин, с. 159].

Аналогии Петропавловскому кресту происходят из Южной Руси (Княжая гора и Сахновка Каневского уезда) и Сарского городища под Ростовом [Пескова, с. 97—101]¹². Две находки особенно интересны, поскольку они обнаружены в ходе археологических раскопок на памятниках с влажным культурным слоем, в котором сохраняются следы деревянной застройки. Энколпион, найденный в Друцке в 1960 г. (5,8 x 3,9 см), сохранил обе створки. На оборотной

⁹ В момент обнаружения створка была коррозирована. Ее реставрация выполнена Петром Григорьевичем Дервизом в Научно-исследовательском институте реставрации Министерства культуры РФ в мае 2018 г. По свидетельству П. Г. Дервиза, каверны на ногах фигуры Христа (не на ступнях) являются результатом процесса коррозии.

¹⁰ Происходит от названия часовни Агия Сорос (Святой Раки) при Халкопратийском храме Богородицы в Константинополе.

¹¹ Н. П. Кондаков предполагал, что «этот тип Божией Матери, молящейся за некоторых, к ней прибегающих людей, отличен по существу от образа Оранты, молящейся за весь род человеческий» [Кондаков, с. 297]. «Помещение именно такого изображения Богоматери-Заступницы на кресте-энколпионе, являющемся предметом личного благочестия и личного упования, — пишет А. А. Пескова, — представляется при таком восприятии образа естественным и легко объяснимым» [Пескова, с. 98].

¹² На Сарском городище крест найден в раскопках Д. Н. Эдинга, в погребении [Леонтьев, с. 86].

изображена Богоматерь Агиосоритисса в рост, по сторонам — полуфигуры архангелов, а сверху — рельефный образ Христа (Рис. 11, 1). Крест найден в XI раскопе в южной части городища [Алексеев, 1974, № 3, с. 205, 206; с. 209, рис. 1, 7] в слое, который перекрывал горизонт, характеризовавшийся максимальным распространением стеклянных браслетов (по Л. В. Алексею 1220–1230-е годы) [Алексеев, 2006, с. 153]. Второй энколпион, обнаруженный в этом слое (с изображением св. Бориса) [Алексеев, 1974, с. 209, рис. 1, 1], был идентичен кресту, найденному в Киеве на полу дома ювелира Максима, погибшего в 1240 г. [Каргер, с. 340–346, 387, табл. LVIII, 1-й во втором ряду]. В связи с этим Л. В. Алексеев предположил, что «энколпионы переходили из поколения в поколение» и отложились во второй половине XIII в. [Алексеев, 2006, с. 153].

Энколпион, найденный на Малом Торопецком городище в 1960 г. (6,4 x 4 см), дошел до нас в худшем состоянии. Обратная створка с изображением Богоматери Агиосоритиссы сохранилась почти полностью (5 фрагментов), а от лицевой — осталась только нижняя часть (Рис. 11, 9). Этот крест, наряду с еще двумя энколпионами, был найден в ярусе 2, который отражал плотную застройку крепости деревянными срубами, прослеженную на площади 150 кв. м [Малевская, Фоныков, с. 66, 67, рис. 3]. М. В. Малевская датирует изготовление энколпионов концом XII — первой половиной XIII в. Ярус 2 и время их выпадения исследователь относит ко второй половине XIII в. на основании обнаружения свинцовой вислой печати с изображением святых Афанасия и Федора Стратилата, атрибутируемой брату Александра Невского князю Ярославу Ярославичу (князь Тверской с 1247 г., великий князь Владимирский в 1264–1271 г., великий князь Новгородский в 1255, 1264–1271 г.) ([Малевская, с. 76, 78]; см. подробнее: [Корзухина, с. 100, 101]).

Помимо описанного креста в ярусе 2 Малого Торопецкого городища был найден округлоконечный энколпион с изображением Николы на оборотной створке (тип VI.2) и четыре округлоконечных энколпиона, несущих на лицевой створке изображение Распятия с предстоящими, а на оборотной — Богоматери с предстоящими святыми и зеркальную славянскую надпись «Святая Богородица помогай» (тип VII.1.1) [Корзухина, Пескова, с. 188, табл. 113, 5; с. 205, табл. 131, 133–136]. Поскольку одна из створок была найдена в постройке с южнорусскими вещами (трехбусинные височные кольца, криновидные подвески, медальоны каркасной конструкции), Г. Ф. Корзухина связывала появление энколпионов с бегством в 1240 г. части населения Поднепровья в северные города, не разоренные монголами [Корзухина, с. 101].

Сопоставление данных

Дата волоколамского энколпиона (XIII в.) и период формирования раннего жилого слоя на территории Власьевского монастыря (последняя четверть XIII — XIV в.) имеют «зону наложения». Выступающие части изображения энколпиона потертые, следовательно, его носили не один год¹³ и вполне могли потерять в последней четверти XIII — начале XIV в., даже если сам крест был изготовлен в первой половине XIII в.

Между тем если мы примем во внимание соотношение находки с характером культурного слоя и его датой, станет ясно, что ситуация в Друцке и Торопце принципиально отличается от ситуации на Волоке Ламском. В первых двух случаях кресты были обнаружены на городских дворах домонгольского времени, в пределах укреплений, которые не подверглись военному вторжению монголов и продолжали существовать во второй половине XIII в. В случае же Волока Ламского крест был найден за пределами крепости (в 600 м от нее) и посада домонгольского времени, на возвышенном берегу речки Весовки, на вновь возникшем в последней четверти XIII — начале XIV в. поселении.

¹³ Верхнее колечко лицевой створки надломилось и было довольно грубо починено (Рис. 11).

В связи с этим, обращаясь к критике источника, нельзя оставить без рассмотрения три вопроса. Первый из них можно сформулировать так: не мог ли крест, изготовленный в XIII в., использоваться вплоть до XV в. и тогда же отложиться в культурный слой?

Комментируя находку энколпиона с Богородицей Одигитрией Перивлептой в Коломне, попавшего вместе с переотложенной керамикой XIII–XIV в. в котлован печи XVI в., А. Б. Мазуров заключает, что время попадания креста в культурный слой может на десятки лет, а иногда и больше запаздывать относительно времени изготовления [Мазуров, с. 80, 81]¹⁴.

Интересный материал на этот счет был получен на полностью раскопанном селище у погоста близ с. Рождествена в Московской области. Дата возникновения этого поселения установлена на основании присутствия красноглиняной грубой керамики, 12 серебряных монет первой половины XV в. (наиболее ранняя чеканена после 1392 г.), замков типа В и крестов-тельников с криновидными завершениями, которые после первой трети XV в. не использовались [Богомолов и др., с. 366–367]. На поселении найдено 22 энколпиона, большая часть которых относится к концу XV – XVI в. Три створки энколпионов напоминают типы, которые принято датировать XIII в., в том числе с надписью «Святая Богородица помогай». Д. В. Шполянская, издавшая коллекцию крестов из Рождествена, склонна считать их репликами древнерусских крестов [Шполянская, с. 270–271, рис. 3]. В пользу этого заключения свидетельствует одно немаловажное наблюдение. У всех створок отломаны одна или две лопасти креста. Обычай ломания крестов (видимо, после кончины людей, которые их носили) прослежен на некрополе Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже, который узко датирован 1570–1600-ми годами [Чернов, 2000, с. 63–81]. Поскольку трудно предполагать, что кресты XIII в. использовались вплоть до второй половины XVI в., скорее всего, в Рождествене мы действительно имеем дело с репликами. В случае с Власьевским монастырем у нас нет сколько-нибудь убедительных оснований для такого заключения, поскольку крест, по всей видимости, отлит в каменной форме.

Отметая версию о двухсотлетнем бытовании власьевского креста, мы не избавляемся от необходимости объяснить его появление на поселении последней четверти XIII – начала XIV в. Волоколамский крест не хранился на подворье, которое существовало на протяжении всего XIII столетия, поэтому нет оснований утверждать, что он «переходил из поколения в поколение». Скорее этот предмет личного благочестия мог оказаться здесь вместе с его носителем.

В связи с этим возникает вопрос о характере поселений, на которых обнаруживают реликварии. По большей части это поселения, а точнее, следы дворов, выделяющиеся нерядовым набором находок. Так, энколпион с изображением Богородицы с предстоящими святыми и надписью «Святая Богородица помогай» (тип VII.1.1) был найден на селище, в 7 км от Коломны, вместе с подъемным материалом — княжеской свинцовой печатью, книжными застежками, подвеской с головой быка и другими материалами XII–XIII в. [Мазуров, с. 82].

В Суздальском ополье энколпионы древнерусского времени найдены не только на крупных поселениях, известных в XIV–XV в. как села, где могли располагаться храмы, но и на небольших поселениях (Поганое озеро-1, Вишенки-3, Кистыш-3, Подолец-1), где обнаружены также предметы вооружения, снаряжения всадника и детали защитного доспеха. Это позволило Н. А. Макарову предположить проживание в них представителей младшей дружины [Макаров, с. 19; Макаров, Федорина]¹⁵. Поскольку в раннем слое, прослеженном во Власьевском монастыре, нет предметов вооружения, такая объяснительная модель здесь неприменима.

Если исключить из нашего рассмотрения дворы знати и служилых людей, то остается предположить связь энколпиона с представителями клира. Здесь уместно напомнить, что в

¹⁴ В качестве аргумента А. Б. Мазуров приводит сведения об использовании в XIV–XV в. в Валахии крестов, изготовленных на Руси в XIII в. [Перхавко, с. 67].

¹⁵ Комментарий к данной интерпретации см.: [Чернов, 2009, с. 116–117].

усадебной клирика, погибшей при разгроме Владимира монголами в 1238 г. и давшей уникальную коллекцию предметов церковного обихода, найдены два энколпиона [Жарнов]. Во второй половине XIII — XIV в. энколпионы и наперсные кресты значительно более уместны на дворе священника, дьякона, причетников или в келье чернеца, чем на подворье черного человека или городчанина. Так, в раскопках пашенных дворов волостных крестьян XIV в. обнаруживаются исключительно нательные кресты [Chernov, Egershova, p. 396; Чернов, 2015а, с. 320; Кренке, 2012], а на поселениях, связанных с вольными слугами, складни фиксируются лишь с XV в. [Чернов, 2015б, с. 44, рис. 9]. Поэтому находка раннего энколпиона, в котором хранились мощи святых, дает основания полагать, что церковная жизнь на месте, где в XV в. располагался Власьевский монастырь, началась не позднее последней четверти XIII — начала XIV в. Как уже отмечалось, крест мог оказаться здесь вместе с его носителем — ведь в начале 1280-х годов были еще живы священники, рукоположенные до 1238—1240 г.

Раскопки Власьевского монастыря только начались, и, возможно, со временем мы получим дополнительные материалы. Тем не менее на уровне имеющихся археологических данных можно высказать осторожное предположение о том, что Власьевский монастырь возник в последней четверти XIII — начале XIV в.

Литература

- Алексеев Л. В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // Советская археология. 1974. № 3. С. 204—219.
- Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. М., 2006. Кн. 1.
- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2012. Вып. 8. С. 366—388.
- Жарнов Ю. Э. Художественное мелкое литье из раскопок во Владимире на Клязьме // Российская археология. 2000. № 1. С. 183—193.
- Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.—Л., 1958. Т. 1.
- Колчин Б. А. Железообрабатывающие ремесла Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65. С. 5—120.
- Кондаков Н. П. Иконография Богородицы. СПб., 1915. Т. 2.
- Корзухина Г. Ф. О некоторых находках в древнем Торопце // КСИА. 1962. Вып. 87. С. 100—101.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб., 2003.
- Кренке Н. А. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV—XV вв. // Культура средневековой Москвы. М., 2005. Т. 3. С. 293—325.
- Кренке Н. А. Отчет о раскопках селища XIII—XIV вв. Назарово-2 в Пушкинском районе Московской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1.6.н.
- Леонтьев А. Е. Город Александра Поповича в окрестностях Ростова Великого // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1974. № 3. С. 85—96.
- Мазуров А. Б. Древнерусские кресты-энколпионы XII—XIII вв. из Коломны // Русь в IX—XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 78—84.
- Макаров Н. А. Средневековое расселение в Суздальском ополье: новые результаты и перспективы исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М., 2008. Вып. 2. С. 3—22.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н. Находки энколпионов на Суздальских селищах // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М., 2008. Вып. 2. С. 137—146.
- Малевская М. В. Раскопки на Малом Торопецком городище // КСИА. М., 1968. Вып. 96. С. 72—78.
- Малевская М. В., Фоныков Д. И. Постройки древнего Торопца // Советская археология. 1985. № 4. С. 63—79.
- Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.

- Панова Т. Д., Коваль В. Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайнинского сада в Московском Кремле в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 29009.
- Перхавко В. Б. Древнерусские бронзовые кресты-энколпионы в сопредельных с Русью странах Европы // Церковная археология. СПб., Псков, 1995. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. С. 64–69.
- Пескова А. А. Каталог энколпионов Древней Руси // Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003. С. 40–233.
- Столярова Е. К. Стекло средневековой Москвы XII–XIV века. М., 2016.
- Чернов С. Э. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 20–32.
- Чернов С. Э. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 123–182.
- Чернов С. Э. Волок Ламский. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
- Чернов С. Э. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // Российская археология. 2000. № 1. С. 63–89.
- Чернов С. Э. О комплексных методах в русской средневековой археологии // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 98–131.
- Чернов С. Э. Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося *in situ*: селище Лешково-4 (Белухинское) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2015. Вып. 11. С. 304–338. [Чернов, 2015a]
- Чернов С. Э. Ростовские переселенцы в Радонеже: Тормосовы и Дюдевы // Преподобный Сергей Радонежский: история и агиография, иконописный образ и монастырские традиции. (Труды ГИМ. Вып. 202.) М., 2015. С. 19–46. [Чернов, 2015b]
- Чернов С. Э. Волок Ламский старый и новый: историческая топография и археологические данные // Сборник статей к юбилею А. В. Назаренко. М., 2018. С. 457–490 (в печати).
- Чернов С. Э., Бойцов И. А. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // Советская археология. 1992. № 1. С. 211–230.
- Шполянская Д. В. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено-12 // Археология Подмосковья. М., 2008. Вып. 4. С. 267–275.
- Chernov S., Erschova E. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // *Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements* / Ed. Jan Klapšte. Vol. 9. Turnhout: Brepols Publishers, 2013. P. 387–406.

Sergey Z. Chtrnov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ENCOLPION FROM THE VLASII MONASTERY IN VOLOKOLAMSK AND ITS ARCHAEOLOGICAL CONTEXT

Analyzing the data of archaeological excavations in the Church of Peter and Paul in Volokolamsk in 2017, the author identifies a group of finds (glass bracelet, cylindrical lock type B, gray ceramics with the ornament “oblique wave” of the early species), which have systemic similarities with the complex of finds from the construction 6 of the Great Moscow suburb of the late 13th – the first half of the 14th century, studied during excavations on Red Square in 1988. This makes it possible to determine the time of deposition of the front half of the bronze cross-encolpion, which belongs to the group of encolpions with the image of the Crucifixion on the front and the Virgin Agiosoritissa (intercessor) on the reverse side (type II.4.3 according to G. F. Korzukhina – A. A. Peskova). Based on the analysis of the materials obtained during the excavations, it was suggested that the monastery appeared in the last quarter of the 13th – beginning of 14th century.

Keyword: Volokolamsk, Vlasievsky monastery, Joseph of Volokolamsk, the monk Mary the mother of Joseph of Volokolamsk, a Church of Peter and Paul in Volokolamsk, encolpion, glass rings, cylindrical locks, grey and red Moscow ceramics, Toropets, Drutsk, objects of personal piety, iconography of the Virgin Agiosoritissa

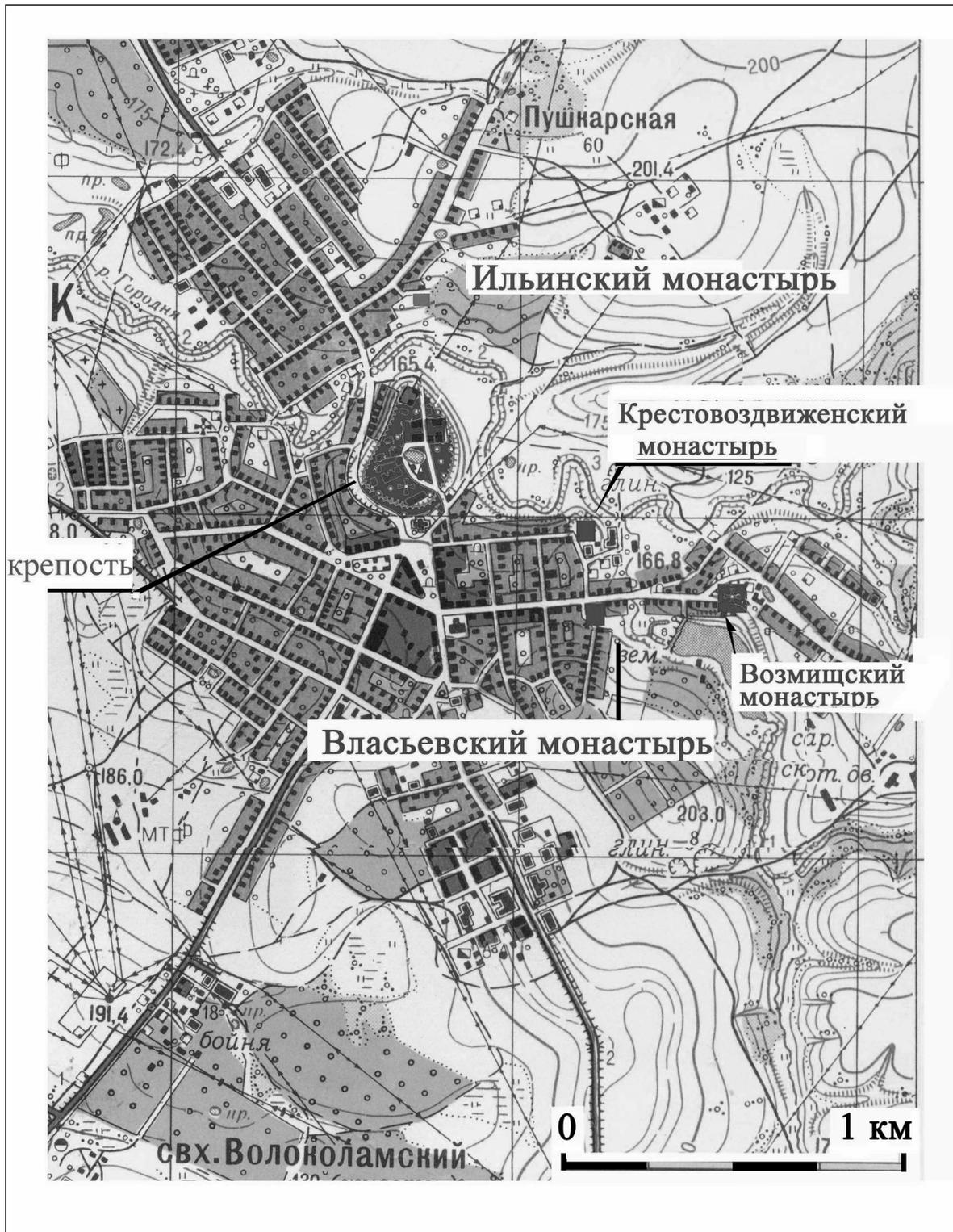

Рис. 1. Схема расположения монастырей на посаде Волоколамска.
Основа — фрагмент карты ГУГК 1961 г.

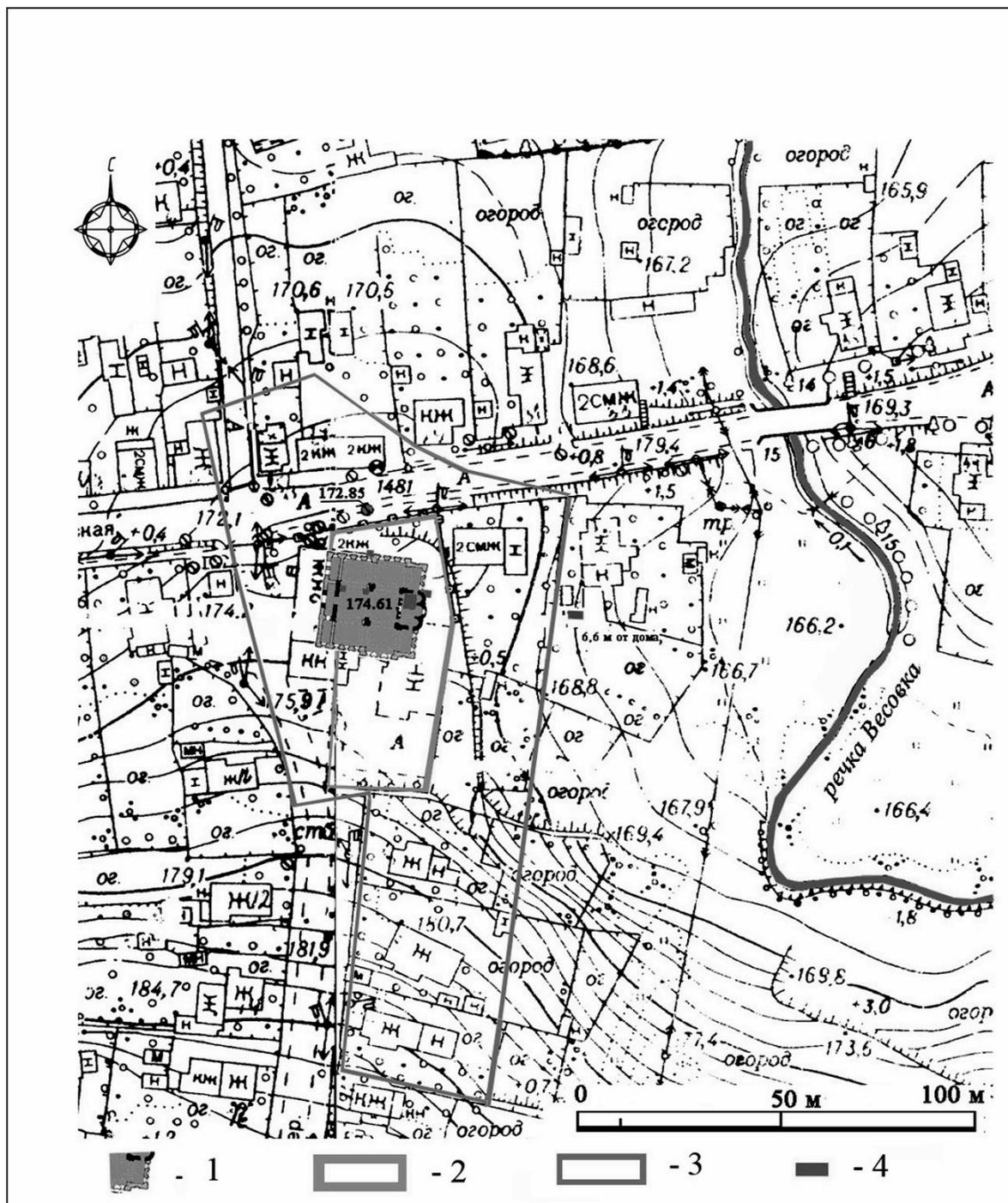

Рис. 2. Церковь Петра и Павла и территория Власьевского монастыря в XVIII в. План. 1 – церковь Петра и Павла 1693–1696 г.; 2 – современный церковный участок; 3 – участок Власьевского монастыря по «Геометрическому плану города Волоколамска межевания учиненного в 1766 году первого класса землемером капитаном что ныне секунд майор Иван Богданов» (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2450) (составлен до перепланировки города); 4 – Шурфы Института археологии РАН 2017 г.

*Рис. 3. Церковь Петра и Павла 1693–1696 г.
Вид с востока, от поймы речки Весовка*

*Рис. 4. Раскоп в апсиде церкви Петра и Павла
на завершающей стадии работ. Вид с севера.
15.10.2017. Белокаменные надгробия (на уступе
слева) отражают уровень кладбища XVI в.*

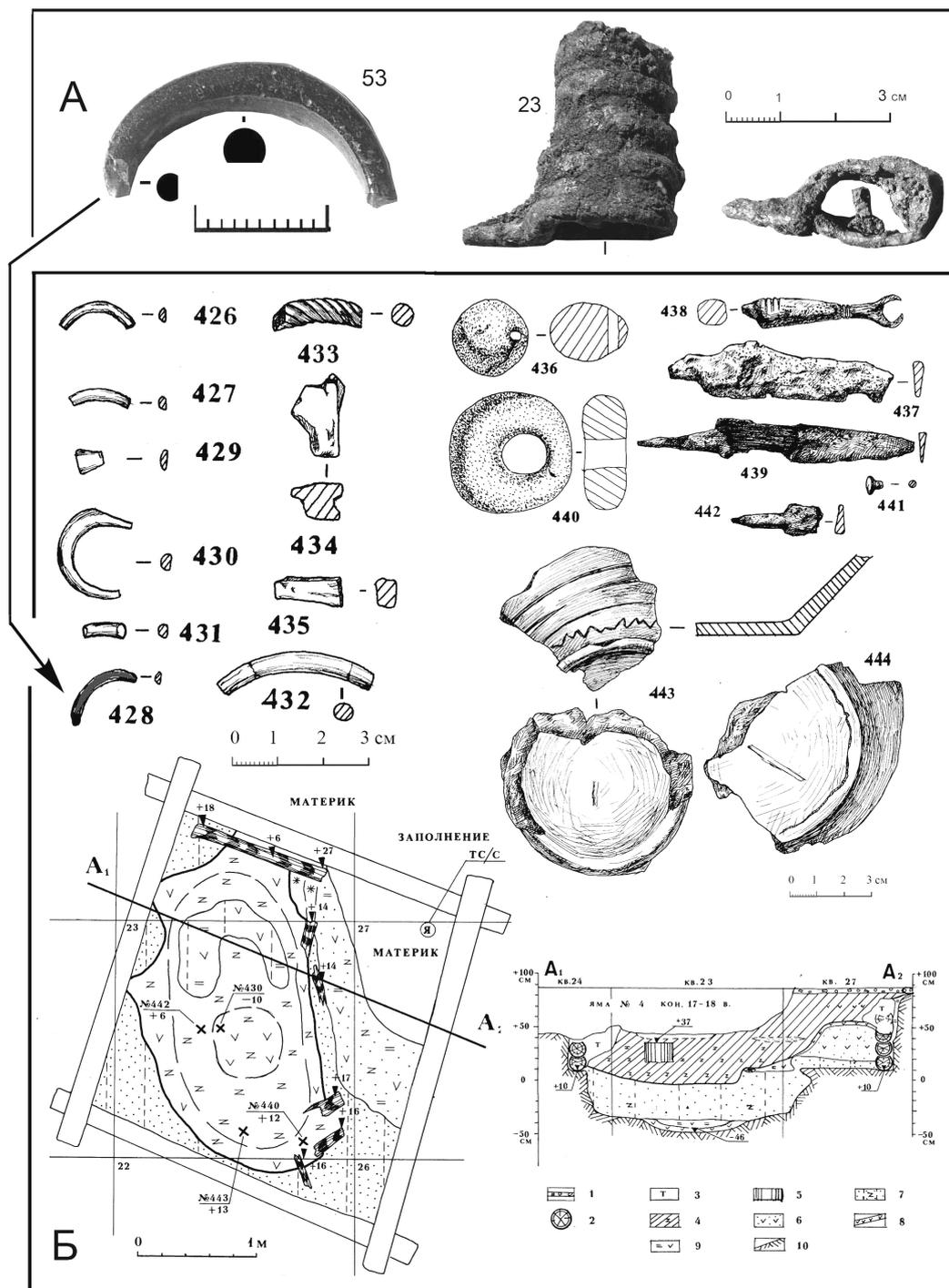

Рис. 6. А — ранние находки, сделанные в апсиде церкви Петра и Павла: перстень сине-фиолетового стекла (53) и цилиндрический замок типа В. Б — план и разрез сруба 6 Великого посада Москвы (раскопки Института археологии на Историческом проезде 1988 г.), а также находки из его заполнения: обломок сине-фиолетового стеклянного перстня (428), аналогичный найденному в Волоколамске; пять обломков голубых, непрозрачного стекла перстней, два из которых среднещитковые (426, 427, 429—431); обломки стеклянных браслетов — крученого голубого и гладкого зеленого (433, 432); ножи (437, 438, 442); железная с бронзовой обкладкой ручка ключа (438); глиняные грузила (436, 440); обломки деревянной точеной чаши (443); гвоздь (441) и донце глиняного сосуда с клеймом (444)

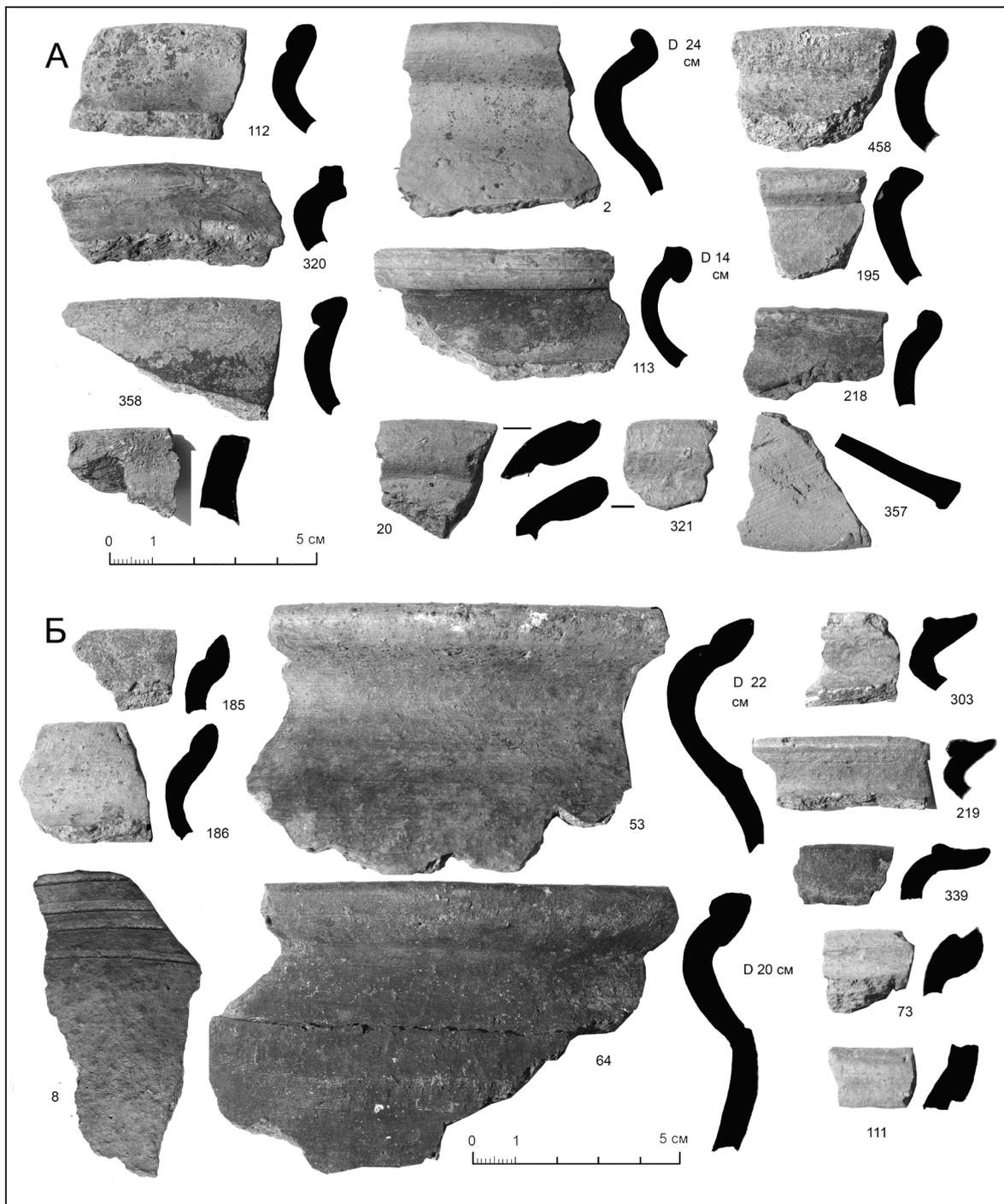

Рис. 7. Серая постдревнерусская (А) и красноглиняная грубая (Б) керамика из слоя насыпи раскопа в апсиде церкви Петра и Павла в Волоколамске

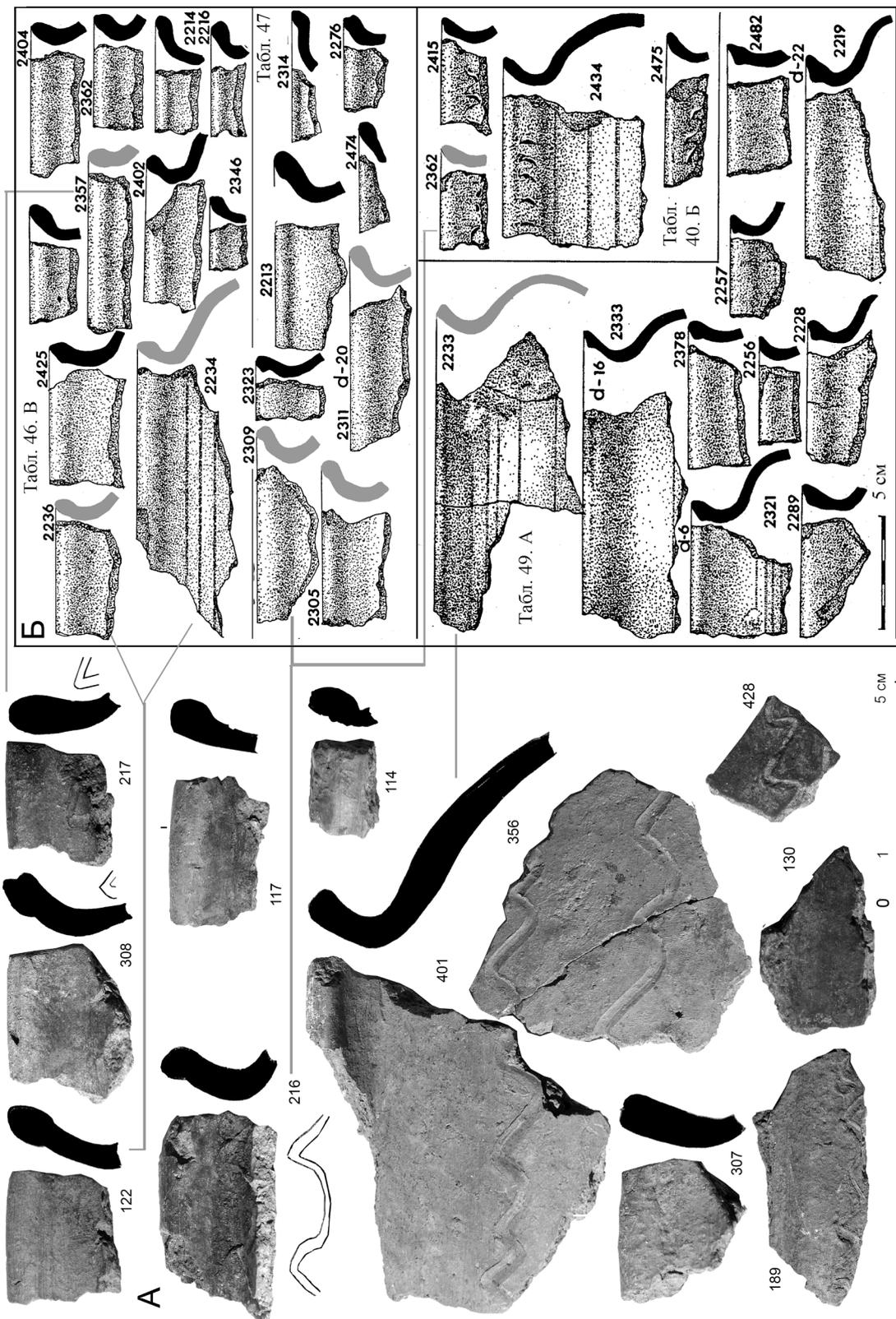

Рис. 8. Серая постдревнерусская керамика из слоя насыпи раскопа в апсиде церкви Петра и Павла в Волоколамске (А) и ее аналоги (показаны красным цветом) из заполнения сруба 6 Великого посада Москвы (Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991) (Б)

Рис. 9. Лицевая створка бронзового литого креста-энколпиона с изображением Распятия, найденного в алтаре церкви Петра и Павла, в слое насыпи (пл. 4, кв. 2, -91 см, находка № 46).
Лицевая сторона

Рис. 10. Лицевая створка бронзового литого креста-энколпиона с изображением Распятия, найденного в алтаре церкви Петра и Павла, в слое насыпи (пл. 4, кв. 2, -91 см, находка № 46).
Оборотная сторона и детали крепления

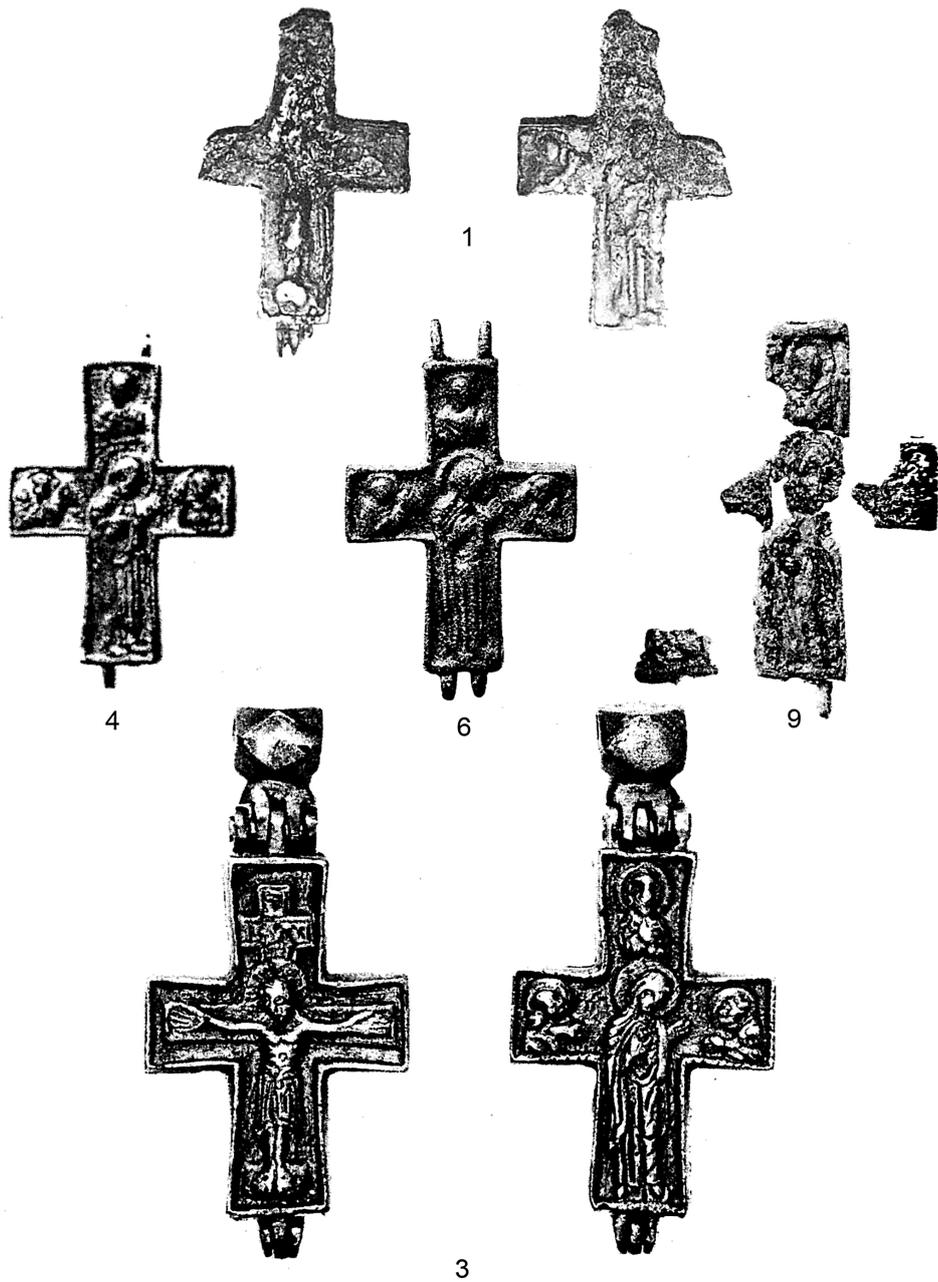

Рис. 11. Аналогии креста-энколпиона, найденного при раскопках в церкви Петра и Павла. Тип II.4.3 с изображением Распятия на лицевой и Богоматери Агиосоритиссы на оборотной створке. 1 — Друцк. Раскопки Л. В. Алексеева. Раскоп XI. кв. Ж. № 17. Слой XIII в.; 3, 4, 6 — с. Пекари (Княжая гора) Каневского уезда Киевской губ.; 9 — Малое Торопецкое городище. Раскопки М. В. Малевской и Г. Ф. Корзухиной 1960 г. Строительный горизонт 2 второй половины XIII в. [Корзухина, Пескова, табл. 46].

Рис. 12. Богородица Агиосоритисса (Халкопратийская икона Богоматери). Византия. Центральный иконостас Успенского собора Московского Кремля. Конец XIV в.